

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.13>

Татаева Ровзан Бовкиевна

ПРИНЦИПЫ ИНТРОСПЕКЦИИ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ К. ИБРАГИМОВА "УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ"

Статья посвящена изучению хронотопа, образов, сюжетной канвы в произведениях чеченского русскоязычного писателя К. Ибрагимова. На основании исследования признаков интроспекции, символических деталей в текстах автор работы приходит к выводу о немаловажной роли ритуала и мифологии в творчестве прозаика. Характер антиномий в романе "Учитель истории" становится особым символом меты пространственно-временной организации событий и личностных коллизий персонажей, функции антиномий рассматриваются через призматические женские образы, организующие противоположную мужским образам модель. Отождествление в романе своеобразных аспектов антиномической идеи, сфокусированной в образах, выступает как инновационный метод обнаружения внутренних характеристик в их смысловой общности развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/6/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 61-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Кулиев К. Ш. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1935-1961. 557 с.
6. Кулиев К. Ш. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. 1961-1969. 542 с.
7. Кулиев К. Ш. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. Стихотворения. Поэмы. 1969-1975. 591 с.
8. Кулиев К. Ш. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. 463 с.
9. Кулиев К. Ш. Человек. Птица. Дерево: Стихи. Поэма. М.: Советский писатель, 1985. 368 с.
10. Кулиева Ж. К. «Меня к истокам возвращает память»: воспоминания об отце // Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии Кайсына Шуваевича Кулиева (1917-1985 гг.) (27-29 октября 2017 г.). Нальчик: Изд. типография «Принт Центр», 2017. С. 155-163.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
12. Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в.: биобиблиогр. словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 441 с.
13. Султанов К. К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
14. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
15. Шогенцуква Н. А. Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995. 232 с.

SEMIOTICS OF SOUND LANDSCAPE IN KAISYN KULIEV'S POETRY

Bauaev Kazim Kelletovich, Doctor in Philology, Associate Professor
Kuchukova Zukhra Akhmetovna, Doctor in Philology, Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
kazim_bauaev@mail.ru; kuchuk60@list.ru

Within the framework of ontological poetics, the authors of the article consider sound landscape features in Kaisyn Kuliev's works. As applied to the Balkar poet, sound landscape is an aesthetically mobile category, which predetermined the coexistence of four different audio patterns that became the mirror reflection of four periods of his work. The first period is marked by the signs of universal harmony; in the second, military sound landscape is reproduced; the metacode of the third period was "silence", which characterizes the tragedy of deportation. The fourth period is notable for the polyphonic sound of the "orchestra" of world culture broadcasting into information space through the system of numerous intertextemes.

Key words and phrases: poetry; Kaisyn Kuliev; sound landscape; semiotics; polyphony; ontological poetics; metacode.

УДК 821.351.42

Дата поступления рукописи: 09.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.13>

Статья посвящена изучению хромотопа, образов, сюжетной канвы в произведениях чеченского русскоязычного писателя К. Ибрагимова. На основании исследования признаков интроспекции, символических деталей в текстах автор работы приходит к выводу о немаловажной роли ритуала и мифологии в творчестве прозаика. Характер антиномий в романе «Учитель истории» становится особым символом меты пространственно-временной организации событий и личностных коллизий персонажей, функции антиномий рассматриваются через призматические женские образы, организующие противоположную мужским образам модель. Отождествление в романе своеобразных аспектов антиномической идеи, сфокусированной в образах, выступает как инновационный метод обнаружения внутренних характеристик в их смысловой общности развития.

Ключевые слова и фразы: символ; мифологема; онтология; гетерогенные воззрения; билингвизм; аллюзии; архетип; антропоморфность; полифония; К. Ибрагимов; сравнительные рефракции; метакомпоненты.

Татаева Ровзан Бовкиевна, к. филол. н.

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
liza.tataeva@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ИНТРОСПЕКЦИИ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ К. ИБРАГИМОВА «УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ»

Современная русскоязычная литература Чечни претерпела ряд изменений, обусловленных эстетической коммуникативностью языка, сравнимой с теорией большинства теоретиков, занимающей основное место в современной художественной культуре. Теория «истинного искусства, его обращения к немногим предстает в различных своих модификациях, и прежде всего – в виде признания социальной элиты единственным вдохновителем живого художественного творчества» [9, с. 222].

Русскоязычные авторы намеренно используют формально-содержательные методы и функции иноязычного метатекстового знака: автор через данный прием направляет читателя к другому языку и эпизоду, аннотируемым с позиции языковой отнесенности. Применение иноязычных метакомпонентов в литературном

пространстве художественного текста обусловлено своеобразной авторской интуицией для максимального воздействия художественной мысли. Так, модифицированная композиция в романе К. Ибрагимова «Учитель истории» идентична западноевропейской полифонии, транслирующей смены душевного состояния героев: рефракции спонтанных рефлексий и острого комизма, оттененные поразительной трагичной торжественностью. Но экстенсивный запас знаний культурологии и истории требует от автора ненавязчивых, но обязательных концептуально-классифицированных границ.

Мир, изображенный Ибрагимовым, – зона иллюзий и шаблонов, зарождающая феерические суждения читателя о действительности, ввергающая к «аморальности одних и к фетишизации нравственно-реликтовых табу других. Это идеологический продукт структурных моделей, заложенных в природу человека: божественное – добро и демоническое – зло» [10, с. 61]. Более того, это сфера, в которой столкновение с реальностью порождает: возмездие отчаянием – за убогое торжество и вознаграждение покоем души – за надежду.

Необходимость детального изучения *мифологемы* в современной русскоязычной литературе Чечни определяет **актуальность** настоящего исследования. **Научная новизна** состоит в определении функции применения иноязычного метатекстового знака и метакомпонентов в пространстве современного чеченского русскоязычного художественного текста.

Целью нашего исследования является определение роли мифологемы иноязычных метатекстовых знаков и метакомпонентов в современном русскоязычном романе К. Ибрагимова «Учитель истории». В этой связи нами были выделены следующие **задачи**: 1) определить роль мифологемы в современном чеченском русскоязычном тексте; 2) описать иноязычные метатекстовые знаки и метакомпоненты в современном русскоязычном романе К. Ибрагимова «Учитель истории»; 3) сопоставить в тексте К. Ибрагимова «Учитель истории» мифологические образы и структуры с семиотическими знаками, выявив сходства и различия.

Мировосприятие К. Ибрагимова наиболее ярко обнаружено в романе «Учитель истории», в котором интегрированы оптимальные постановки уникальных образов; доминируют авторизованная философия, детализированное рассмотрение фигур, указывающие на авторскую эрудицию, имманентные знания, эстетизм.

Считается, что личность должна личности, а именно: обратиться целиком в инородные фатумы – став «нравственным промежуток». Но, с точки зрения К. Ибрагимова, для дифференциации морально-этических норм индивиду XX в. необходимо отгородиться от всех, выказывать собой нечто оригинальное: постоянно концентрироваться на субъективном начале: *отталкиваться от интроспекции, испытываемой индивидом в процессе постоянного развития своей личности. «Отстраненность от мира дает человеку свободу... Сознавая свою свободу, человек хочет стать тем, чем он может и должен быть»* [Там же, с. 452], поскольку, как отмечает М. Хайдеггер, «свобода раскрывается как допущение бытия сущего» [8, с. 17].

Сравнительные рефракции К. Ибрагимова касаются сенсуальных проблем, сопряженных с этическими нормами бытия, концентрирующими размышления о связи веков и величии цивилизаций. Интуитивно-сенсуальная манера прозаика отвечает за морально-этические нормы и соответствует правилам конъюнкции. Его фантастический, авантюрно-романтический стиль с историческими вкраплениями расширяет географические и геополитические границы.

В сфере, обрисованной К. Ибрагимовым, уныние и шокинг объединены убожеством и нравственным безразличием человека. В памяти персонажей угнетающие реминисценции о войне и предвидение повторных уничтожающих ударов сливаются с оптимизмом и примитивными амбициями, которые автор сублимирует в аномальную мутацию в резких тонах. На фоне действительности присутствует внешняя и внутренняя интеграция гетерогенных, зачастую антагонистических идей и взглядов, придающих произведению притягательную стереоскопичность. Смысловый объем текстового контента и рельефность персонажей подчеркнули глубину и многогранность романа К. Ибрагимова.

В лейтмотиве произведения предопределено, что момент сгущения нового хаоса и рождение новых этических ценностей не выдерживают критики, т.к. безысходная, аналогичная прошлому трагедия духа человека и мира требует новую трагедию действия, присущую XX в. «Вне понимания этой трагедии нельзя войти в реалии этических конфликтов человека. Этическая драма должна восприниматься не только как данность формы связи (в сознании) исторических персон: личности – героя (античность), мученика и искусника (средневековье), жизнеописание – автора (новое время), участвующих в решении свободного поступка личности. Но и как необходимость осмысления модифицирования исторической памяти в противоположное направление, в иной водоворот превратности судьбы; осознать, в чем заключена утопичность и неотвратимость свободного исторически ответственного шага в жизни индивида XX в.; постигнуть современный горизонт личности» [2, с. 34].

Динамика человеческой личности в романе К. Ибрагимова определилась в рамках монументальной статики, поскольку главная идея произведения – нравственность индивидуума с учетом его эволюции. Здесь естественным образом дифференцируются две сферы морально-этической нормы, в истинном их сопряжении – развитие имманентных потенциалов и статика принципов. Однако в критические периоды жизни героев подобные нормы являют собой порочность. Следовательно, в романе «Учитель истории» нравственность отражена не в моральных нормах, а в сложных перипетиях независимого личного поступка: нравственные нормы формируют основные модели личности и культуры на все времена.

Прозаик сформулировал трагические меты свободы нового века, рафинировавшие нравственность духа путем актуальных актов «страха и сострадания». Повествуя о духах, обоготворенных образах, антропоморфных предках и судьбе античного общества, К. Ибрагимов в массовом сознании изобличает филигранность сплава исходных ценностей (религия, философия, наука, искусство), проецирует свои утверждения на детерминированные социальные институты (брачные правила, обычаи, обряды и мифы и пр.).

Идеи Ибрагимова реализованы композиционно-тематическим единством картины, в которой перманентно интегрируют эволюция макрокосма с современностью; динамично сатурируется в содержании аллегорией и легендами; намеренно диссонированы параллели между героями разных столетий. И лишь в сопряжении трагедийного общения образы разных цивилизаций дают реальный континуум полифонии о нравственности в целом.

Разумеется, в романе «Учитель истории» присутствуют необходимые и фиксированные нормативы; внешний моральный кодекс повседневного бытия; духовные императивы этической установки; гипотетический показатель классического поведения. Данные выводы не инвектива, а атрибут существенной целостности поведения социума, обусловленный скрупулезным авторским анализом спектра этических норм, исключаящих обобщения разнообразных эпохальных явлений.

Придерживаясь принципов мифологической школы, автор утверждает приоритет ритуала над мифологией, его незаурядность в генезисе искусства и философии, поскольку в синтезе с доктриной об архетипах «ритуальная мифологическая теория» [6, с. 110] сводит структуру любого произведения к ритуально-мифологической основе. Эфемерное разложение текста – спектральная факторизация анакреонтических зарисовок живописной природы Кавказа, где миф выражен доминирующей спецификой реакций конкатенации жизни и смерти.

В аллюзиях романа установлено, «что мифам гетерогенных народов свойственны родственные темы, идентичные проблемы и мотивы». Предоставленные убеждения апробировали немецкие философы Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер, аргументируя мысль о внутреннем родстве философии и религии. В работе последнего «Время и бытие» отражен генезис «метафизического способа мышления и поиск пути к истине бытия» [7, с. 78]. Но в романе «Учитель истории» К. Ибрагимова «миф – исторический факт о теории вероятности» [10, с. 110], т.к. творчество писателя обусловлено изобилием широкого спектра мифопоэтических и мифозпических приемов, где мифоструктура архетипов довлеет над семиотикой и строением его образов в романах. Фиксация в книге семиотики – предмета и знака, существа и имени – это легализация синтеза многообразных явлений мироздания, предусмотренных божественной силой» [5, с. 6]. Семиотика мифа, по мнению А. Ф. Лосева, – это «трансформация бессознательного, предсознательного и сознательного» [4, с. 7]. Данные критерии подтверждают эвритмию романного сюжета.

Мифы в прецизионно-детерминированных параллелях романа «Учитель истории» – основной потенциал созерцания фидеизма, интуитивизма и материализма, основывающихся на оригинальной логике синкретизма и идентичности субъекта и объекта. Поскольку человеческой душе, по мнению автора, характерна ориентированность к атомизму – по Эпикуру и эвдемонизму – по Сократу, обнаруживаемая героями за гранью реального – в мистическом мире символов. Еще С. С. Аверинцев отмечал: «При самом приблизительном описании того, как мы представляем себе миф, невозможно обойтись без таких слов, как “первозлементы”, “первообразы”, “схемы”, “типы” и их синонимы» [1, с. 118].

Существует два критерия ввода архетипов в художественный текст:

- первый путь – подсознательное исследование персонифицированных элементов мифосознания;
- второй путь – сознательное отображение мифологических образов и структур.

В целом процесс мифотворчества – это модификация архетипа в образы, а также непроизвольное универсально-экзистенциальное суждение об аффективно-бессознательных переживаниях и ассоциированных ощущениях на языке объективного внешнего мира. С. С. Аверинцев приводит мнение К. Юнга, который полагал, что «тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов... он поднимает изображаемое им из мира однократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы» [Там же, с. 110].

При всей антагонистичности положительной символикой наделяются мужские образы, т.е. прослеживается константная ассоциация мужских признаков в плане духовности, физиологии, статичности и принципов. Сохранить индивидуально-генетические традиции социальных норм им мешают отдельные критические инверсии звеньев, сопряженных с невротическим преодолением страха смерти.

Сентенции, направленные в адрес мужчин, сравнимы с идеальными образами и дегенерирующими нравами – гармоничный контраст, реализованный научно-историческим подходом автора к исследуемому явлению, где индикатором данного факта является ретроспекция, определяющая конечный момент мифа «золотого саркофага» – «формулой мира».

Жанровая догма автора конкретизируется концепцией, выражающей:

- 1) мировоззрение индивидуума и атомизм созерцания и психологизма;
- 2) авторский пацифизм и космополитизм;
- 3) экспрессионизм и экзистенциализм сквозь хронологическую призму.

Для К. Ибрагимова характерно очеловечивание природы – тотальная персонификация с рельефно-градационными и многообразными приемами сравнительных характеристик, раскрывающих поток их сознания, что осложняет назначение доминирующего героя. Представленные прототипы вступают в нравственно-поэтическую и историческую драму экспрессивной коммуникации.

Герой романа, молодой учитель истории – Малхаз Шамсадов, неожиданно открыв в себе талант художника, фанатично увлекся историей своего народа, Кавказа и фольклором, особое значение он уделяет преданиям и легендам. Более того, герой обладает способностью на определенное время мысленно переноситься в прошлое, где он «явственно» созерцает события жизни, страсти и человеческие трагедии, происходившие в мире тысячелетие назад. Увлечения античным миром и любовь к молодой девушке – Эстери, портрет

которой он в тайне хотел написать, способствуют тому, что неожиданно для самого себя художник написал картину легендарной чеченской амазонки – великой Ану Аргунской. Естественно и то, что образ великой амазонки возник независимо от воли Шамсадова. Хотя сам факт и причину создания портрета Ану Аргунской Малхаз объясняет тем, что хорошо помнит повествования деда.

Первообразы свидетельствуют о гипотетичности в истории, отсюда реконструированные пространственно-временные картины представлены в контексте реалистических мифоописаний. Например, образы героев великих эпох изображены в рамках реалистического мифоописания – это доктор Зембрия Мних, византийский император Константин Седьмой Багрянородный (Порфирородный), Роман Лакапин – византийский император – тесть Константина Седьмого, в прошлом командующий флотом, получивший почетный титул – звание «василеопатора».

Архетипы раскрыли сингулярность человеческой природы, обнаруженной в мифологических мотивах и «иконках» амазонок. В данном аспекте автором обыграна и реализована классическая триада – «мать (она же жена) – дочь – сестра», доказывающая господство матриархата не только в отдельной среде обитания, но и во вселенной, т.к. особая значимость у всех народов отведена женщине-матери, символизирующей и олицетворяющей начало всех начал. В романе классическая триада амазонок выстроена по степени релевантности от младшей к старшей – Ану Аргунская, ее бабушка Астар и мать Малх-Азни. Здесь мифообраз реализует архетип – символ, относящийся к индивидуально-бессознательному...

Совокупность авторских идей подтверждает причины курьезов героев, усложненных гендерной дискриминацией, сублимирующей гендерно-ролевой стресс (вынужденное равенство полов), влекущий к баталиям за право первенства, где вырисовывается победитель – женщина, но безропотно передающая победу мужчине, при условии непреходящего уважения к себе, – это и есть победа женщины над мужчиной. Следовательно, автор зеркально отобразил апорию феминизма, а именно истоки его возникновения.

Сквозь филигранные исследования автору удалось показать фундаментальный разлад одной личности с внешним миром и гипотетически постигнуть феномен жизни.

Трагедийность личности и поэтика культуры в книге «Учитель истории» – это феномен перипетий действительности в истории чеченского народа. Личность в романе Канты Ибрагимов – не данность, а постоянная поэтико-регулятивная идея. В романе «Учитель истории» все сведено на точку или грани, где беспорядок и мироздание, элемент и созвучие естественно соприкасаются друг с другом. Им создан исключительно – мир индивида, с его исключительно единственным началом. Тем не менее, как полагает автор, современный человек никогда не сможет угодить в центр «собственного мироздания», т.к. исторически фатальное уже акцентировано и отрезает бесконечную детерминацию первичности и актуальной прострации предыстории, т.е. в несчастьях современного индивида эта первичность ничего не активизирует. Она лишь зафиксирована на нем в силу того, что современник и в жизни, и в сознании постоянно приневолен балансировать в центре совершенной первичности.

В отличие от большинства писателей, К. Ибрагимов рассматривает гендерный конфликт не с позиции триумфального женского – ЭГО над мужским Альтер-ЭГО, а с точки зрения утопичности поражения женской стихии в силу исключительного потенциала, изначально заложенного в ее природе, настаивая на том, что именно женщина в момент пограничного накала общественных страстей, несмотря на соцстереотипы, достойно переживает этап «нравственных ломок», сохраняя национальный генофонд.

«Раззадорилась в борьбе Ана, почувствовала, что теперь не она невольница, но кавказская горянка – дочь амазонки; да что поделают с ней несчастные рабыни, разве обучали их так, как ее обучал Алтазур».

Как трезубцем управляла Ана светильником, выбила кинжал, им же заколола одну, резанула другую, и застыла в удивлении – человеческое тело – ничто, как масло податливое, ткнешь – раскисает. Значит, только дух может спасти... На лестнице еще пара, и с ними Ана справляется, от других уходит, спрыгивая с высоты пролета» [3, с. 32].

Усложненная фабула его книг – следствие аллегоричной и мифичной загадочности. Сюрреалист Ж. Кокто о загадочной сложно-воспринимаемой специфике художественного произведения реципиентом писал: «Чем менее оно понятно, тем медленнее оно раскрывает свои лепестки и тем медленнее увядает... Произведение, которое не сохраняет тайну и раскрывается слишком быстро, сильно рискует угаснуть, и от него останется только мертвый стебель» [4, с. 32].

В романе Канты Ибрагимов изображена амальгама многочисленных характеристик в бесконечных столкновениях. Основной конфликт обозначен утопичностью сурового и охального инстинкта персонажей, ощущаемого прозаичным обнаружением курьезных и изуверских конфигураций при непреходящем желании заменить фикцию осязательностью. Личность испытывает глубокую опустошенность и индифферентность к наигранной общественной морали, ставшей метой времени. Безусловно, представленный контент – экстенсия знаний, где информационное наполнение позиционируется субъективной релевантностью в оценочной форме, идентифицируемой гуманистической перспективой бытия. Предполагающиеся трагедии в романе венчаются финалом, наполненным мизантропическим взглядом одних и филантропией других.

Вслушавшись в микрокосм эпох, автор установил дисгармонию новой культуры, при которой рождается очередная трагедия духа. Это не авторский ригоризм и интроспекция пессимизма, а форма гипотезы о ноократии и медленно грядущем мессианизме в канун миллениума. Значит, концепция автора соответствует мировоззренческим убеждениям реальности, состоящей из антагонистичных компонентов: зримой сочетаемости противоположных ориентиров и специфики образного мышления.

Список источников

1. Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы философии. 1970. № 3. С. 121-142.
2. Гусейнов А. А. Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990. 486 с.
3. Ибрагимов К. Х. Учитель истории: роман. Грозный: Грозненский рабочий, 2010. 542 с.
4. Кокто Ж. Новобрачные с Эйфелевой башни / изд-е подгот. М. Сапонов. М.: Московская консерватория, 1999. 48 с.
5. Лосев А. Ф. Абсолютная Диалектика – Абсолютная Мифология // Лосев А. Ф. Имя: сочинения и переводы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 140-168.
6. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. Изд-е 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. А – К. 671 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер. с нем. и коммент. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
8. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
9. Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. Изд-е 3-е. М.: Сов. писатель, 1982. 416 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
11. Tataeva R. Eclecticism as a tendency in the works of K. Ibragimova // Scientific enquiry in the contemporary world: Theoretical basics and innovative approach. 4th ed. San Francisco, California: B&M Publishing, 2015. Vol. 3. Philology: Research articles. P. 59-67.

IMAGES' INTROSPECTION PRINCIPLES IN THE NOVEL "THE HISTORY TEACHER" BY K. IBRAGIMOV

Tataeva Rovzan Bovkievna, Ph. D. in Philology
Chechen State Pedagogical University, Grozny
liza.tataeva@yandex.ru

The article is devoted to studying chronotope, images, storyline in the works of the Russian-speaking Chechen writer K. Ibragimov. After analysing the features of introspection, symbolic details in the writer's prose, the paper concludes on the essential role of ritual and mythology in his creative work. In the novel "The History Teacher", antinomies become special symbols indicating the specificity of the spatial-temporal arrangement of events and characters' personal collisions. Antinomy functions are considered through prismatic female images organizing the model antinomic to male images. Personification of peculiar aspects of antinomy implemented in characters' images serves as an innovative method to identify common internal characteristics.

Key words and phrases: symbol; mythologeme; ontology; heterogeneous beliefs; bilingualism; allusions; archetype; anthropomorphism; polyphony; K. Ibragimov; comparative refractions; meta-components.

УДК 82-31

Дата поступления рукописи: 22.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.14>

В статье исследуются особенности эволюции мировоззренческих патриархально-этических взглядов Е. Бритаева в его раннем творчестве в начале XX века, особенно сложного и значимого периода в истории осетинской литературы XX века. Нами установлено, что в таких произведениях писателя, как пьесы «Уараседзау» («Побывавший в России»), «Лучше смерть, чем позор», «Две сестры», рассказ «Месть молодого горца», посвященных актуальным проблемам силы, красоты, человечности горской этики, крестьянства Осетии, ярко проявилась специфика художественного отражения эволюции взглядов Е. Бритаева на нормы традиционной патриархальной этики осетин.

Ключевые слова и фразы: пьеса; драма; рассказ; Е. Бритаев; герой; сюжет; патриархальная этика; новая мораль; проблема чести.

Фидарова Рима Японовна, д. филол. н., профессор

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ
irinakaytova@mail.ru

Кайтова Ирина Анатольевна, к. филол. н.

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
irinakaytova@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Е. БРИТАЕВА НА ПАТРИАРХАЛЬНУЮ ЭТИКУ ОСЕТИН

Выдающийся осетинский писатель Е. Бритаев жил и творил в сложное время: на рубеже XIX и XX вв. Как и многие горские писатели той эпохи, Е. Бритаев пережил серьезную и сложную эволюцию своих мировоззренческих взглядов от идеализации патриархальной горской этики к новой, социалистической морали, к марксистской идеологии. В результате он стал большевиком, а за свою революционную деятельность даже был осужден и сидел в тюрьме.